

Десять рублей

Марина Андреевна проснулась еще до рассвета. Сегодня годовщина смерти мужа. Ворочалась в темноте. Вспоминала, как познакомилась с мужем Алексеем. Как предложение ей делал на скамейке около дома.

— Замуж за меня пойдешь?

— Замуж? Нет. Не пойду, — поджала губки Марина.

— Все понятно. Вот так. От ворот поворот. Отказываешь, значит? — Алексей помрачнел. — Ну что же... Вставай. — Сам встал и ждал, когда Марина поднимется со скамейки.

Медленно шли по парку.

Через несколько шагов спросил:

— А почему не пойдешь?

— А где нам жить-то? На семи метрах у матери?

— Мне начальство обещало комнату, когда женюсь.

— Тогда пойду.

Расписаться все никак не могли. Два раза ждала его Марина. Опоздал. Служба. Алексей был офицер МГБ. А свадьба у них была. Ой, одно название! А сейчас вон какие закатывают! Дядя Кузя подарил чашку с блюдцем, мать собрала на стол нехитрую еду: винегрет, селедка, холодец... Миша, учившийся на дипломата муж сестры Алеши, все спрашивал: «А где шампанское? На свадьбу надо шампанское!» Была только водка. И не знали, что это за шампанское такое? Побежали за шампанским.

Спали на полу на матрасе у ее матери в семиметровой комнате, пока не получили свою. Пелагея, мать, до темноты сидела на скамейке на улице, чтобы молодым не мешать. Родился сын. Посадили годовалого Витьку на санки, дали ему в руки миску, три ложки и три тарелки и поехали в новую пустую комнату. На новом месте жить бы да радоваться, ан нет. Опять пришла беда, откуда не ждали. В квартире, в двух других комнатах проживала семья старшего по званию офицера из их ведомства. Его дочь привязалась к Алексею. Завлекала, как могла, разговорами. Стихи ему читала. Образованная. Техникум окончила. Ее мать добавляла, шипела на дочку: «На соседку посмотри! Без рук, без ног надо было быть, чтоб, как ты, выйти за работягу на заводе. Хорошо, что быстро выгнала!» На кухню не выйдешь. Марину они возненавидели. Деревня, а такого парня отхватила! Маленький сынишка заболел коклюшем, а эта «певица» на кухне романсы орет во все горло. Только малый заснет, она опять выводит рулады. Марина вышла на кухню, попросила не петь. В руке у нее был тонкий стакан с водой. Рукой со стаканом вроде только коснулась плеча нахалки, мол, перестань петь, и стакан раскололся. Порезал настырной сопернице руку. Суд. Думали, что из органов Алексея выгонят. Нет. Обошлось. Суд встал на сторону Марины. Пропесочил эту наглядку...

Ой, да сколько всего было! Ладно. Хватит вспоминать. Надо вставать. А то так и к службе опоздать недолго.

На термометре за окном пятнадцать градусов. Утро выдалось холодным, а ведь только последний день июля. Порывистый промозглый ветер задул лето. Тормошил верхушки чахлых берез во дворе, ерошил полоску редких кустов у мусорного бака. В разрывах летящих туч лишь серая хмарь. Чувствовалось, что низкое свинцовое небо расположилось над Москвой надолго. Так бывает в августе. Ничего. Авось через день-два распогодится. Люди на остановке напротив жались под козырек, закрываясь отворотами плащей, капюшонами, ожидая, когда их подберет рейсовый автобус. Надо потеплее одеться. И ботинки обуть на толстой подошве. Сквозняки, и от каменных плит в церкви тянет. Пока службу отстоишь, ноги одеревенеют. Вытащила плащ из шкафа. Появила темный вдовый платок. Взглянула на себя в зеркало. Когда-то под-

ружки ее сравнивали с Диной Дурбин. Делала шестимесячную завивку под Орлову...

Теперь бы ее никто из них не узнал. Постарела она за этот год. Горе подкосило ее. Большие глаза, когда-то лучистые, потухли. Щеки опали и потеряли всегдашний румянец. От носа к уголкам рта пролегли борозды. Да и сами губы, полные, смеющиеся, как-то усохли, поджались. А ведь она еще совсем не такая старая. Рано ушел Алексей. Началось все с командировок в Семипалатинск в конце шестидесятых. В вагончике, в котором они жили, шапка к подушке примерзала. Муж доводил до ума ракетные пусковые установки. МАИ же закончил. Как раз дочка родилась. Деньги были нелишние. Только трехкомнатную квартиру получили. Надо было обставляться. Вот и пошло. Воспаление легких, еще воспаление... Да и курил он много. Без фильтра. На руководящей должности последнее время одна нервотрепка была.

Врач в Новогорской больнице, прежде чем разрешить ей войти в палату, объяснил: «Больше мы его держать на аппарате не можем, и так уже продержали больше, чем положено. Заслуженный человек. Сверху звонили, просили, но надежды больше нет. Легкие не разворачиваются. Это бессмысленно. Нужно ваше разрешение, чтобы отключить». И он строго и печально посмотрел на нее. У Марины Андреевны в глазах потемнело. Врач налил ей воды. Беззвучно стеная, подписала бумаги.

— Прощайтесь! — и врач открыл дверь палаты.

Алексей лежал, весь опутанный проводами. Будто чувствуя, что в последний раз, долго держал ее руки в своих. Поднес к губам. «Спасибо за все!» — прочитала она по губам. И на пенсии не побыл...

Марина Андреевна еще раз взглянула в зеркало. На нее смотрела сейчас в темном платке совсем старуха. Утерла слезы. Да. Вдовьи думы не красят. Только разлет темных бровей напоминал ее прежнюю. В воскресенье с детьми на кладбище съездят. Могилку прибрать, помянуть. А сегодня вот в церковь собралась. Присела на дорожку.

Автобус ходил редко. Доехала на нем до самой близкой церкви. В храме попросила листочки, написала записки о здравии и за упокой. Вроде никого не забыла. Подала. Мама всегда говорила: «Пусть в алтаре полежат ночь, а потом священник помянет». Жаль, что сегодня так не получится. Простой день. Заказала заупокойный молебен, оплатила просвирки, поставила свечки о здравии родственников, детей, Спасу и Богородице и на канун. Печенье, конфеты, пышную халу, посыпанную маком, купленную накануне, положила — помянуть усопших. Отстояла службу. Исповедовалась. Причастилась.

После полудня Марина Андреевна возвращалась из церкви. На душе было светло, благостно. Но что-то все-таки не давало ей раствориться в

этой благодати абсолютно. Марина Андреевна села в автобус и, пока ехала, поняла. Соседка попалась тоже пожилая. Разговорились. Повела ей Марина Андреевна, что год назад потеряла мужа, вот из церкви едет, поделилась — мол, как дорого все в церкви стало. Женщина согласилась. Свечечки тонюсенькие. Не горят, падают. Записки теперь на ихней бумаге пишут, только несколько имен умещается. А раньше со своей бумажкой приходили.

— За молебен я десять рублей отдала. В магазине на эти деньги на неделю купишь и сыр, и колбасу, а это — безвозмездно, — сокрушалась Марина Андреевна.

— Мужниной душе будет легче, — успокоила ее попутчица.

— Вот если только...

Марина Андреевна вспомнила, что батюшка слушал исповедь невнимательно и даже вроде прикрыл глаза. Дремал, что ли? Руку совал костяшками, так что задел по губе, совсем без интереса к бедной вдове.

Все это не давало ей поддержать внутри светлое настроение исполненного долга. Вот причина. И денег много она истратила. Как все подорожало с перестройкой этой! Видно, и церковь перешла на хозрасчет. Эти церковники гребут лопатой. Себе хоромы отгрохали из Божьих денег. Уборщица, страшная, злая девка в черном платке, на нее шипела: чего, мол, встала. Отойди. Ползала на коленках, оттирая закапанные воском подсвечники. Она, небось, думает, что уж и место ей готово во Царствии Небесном?

Вспомнила, как слышала в детстве, что монахи постом варят куриный бульон, а потом курицу вынут, и вроде рыбу туда. Лезли совсем не благочестивые мысли. Ох, Господи, грехи наши тяжкие! Благодное настроение улетучилось. Раньше она себя так после посещения храма не чувствовала.

Подумать только! Целых десять рублей истратила! С такими грустными мыслями Марина Андреевна попрощалась с разговорчивой собеседницей и вышла на своей остановке. Сегодня день, под стать ее смятенной душе, выдался пасмурным. Черное брюхастое облако ползло по небу прямо в их сторону. Гнулись тощие пыльные ветлы. Того гляди, дождь пойдет. Вот тебе и лето! Ветер гнал листья и мусор по проулку, которым она шла к дому от автобуса. Марина Андреевна старалась смотреть себе под ноги, а то в глаза сор попадет. Поравнявшись с трансформаторной будкой, за которой дорожка поворачивала еще в одну сторону, к магазину, и вовсе чуть не упала от порыва сквозного ветра. Вдруг какая-то бумажка подлетела из переулка и будто приклеилась к носкам ее туфель. Марина Андреевна нагнулась, подобрала. Святые угодники, да это же десятка!

Ангел

Ирина попрощалась с женихом. Буркхард, невысокий блондин в очках, то и дело обнимал пониже талии, показывая всем сидящим в автобусе, что, мол, моя, хотя ничего у них не было. Тощую сумку — кандидат в мужа пока не торопился обновлять гардероб невесты — запихнули в отсек под автобусом.

Ирина взглянула на первое место за водителем. Около окошка сидел старый дед в бейсболке. Немец еще раз облобызал Рину, как все коротко ее называли, и покинул автобус. Иренино место было у окна, но она не стала сгонять старика с места. Не все ли равно? Будет смотреть в стекло водителя. Так даже лучше. Она плохо переносила автобусы. Слабый вестибулярный аппарат. Когда была маленькой, то очень страдала. Расстраивалась. Поездка в пионерский лагерь превращалась в кошмар, и пока она, бледная, мысленно моля о скорой остановке, мучилась на переднем сиденье, грызла спички, остальные пионеры заливали в себя литрами лимонад и лопали, чавкали, чмокали всю дорогу до лагеря, который находился под Михнево. Как будто их год не кормили. Как только автобус останавливался коротко, она пулей вылетала и бежала в сторону.

Карусели с головокружительными виражами были ей недоступны. Она с завистью смотрела на празднике, как визжали от восторга другие дети, переворачиваясь вверх тормашками и взмывая к небу на новых чешских аттракционах. Сама она, прогулявшись с родителями по парку, со вздохом лезла в кабинку чертова колеса. Только его она и могла выдержать.

С возрастом организм окреп, и она стала легче переносить поездки. И все же больше всего на свете она любила метро. Но на метро из Германии не уедешь. Рина улыбнулась, вспомнив старый анекдот. В вагон забегают явный сумасшедший, наставляет на машиниста перочинный нож и кричит: «Шеф, гони в Копенгаген!» Машинист пожимает плечами, закрывает двери и объявляет: «Осторожно! Двери закрываются! Следующая станция Копенгаген».

Жених Буркхард купил ей билет только на автобус. Дешевле намного, и в аэропорт не надо ехать. Автобус отходил от городского вокзала.

Ирина поздоровалась с водителем — его звали Дима — и уселась в свое кресло.

Автобус тронулся. Она без энтузиазма помахала Буркхарду, облегченно вздохнула и откинулась в кресле. Автобус проезжал безликий индустриальный район, слева тянулась унылая железнодорожная насыпь. Салон был переполнен, и в летнем разморенном воздухе смешивались

запахи кресельной обивки, пота, мужских носков, дешевого дезодоранта, еды, и добавлялось еще амбре из туалета, если плотно не прикрывали дверь. Аппетита, впрочем, это путешественникам не портило. Они накинудись на принесенные котлеты и курицу гриль, не успел автобус отъехать от стоянки. «Оголодали здесь, что ли?» — подумала усталая Ирина и вспомнила свое пионерское детство. Шуршали газеты и целлофановые мешки, разрывались упаковки и пшикали пробки от теплой газировки. У водителя работал добавочный вентилятор, и поэтому все это не так било в нос, как в середине и в конце салона.

— Прости, дочка. Пропустишь?

Дед в смешной бейсболке, по бокам которой были нарисованы маленькие крылышки, привстал и ждал, когда она тоже встанет со своего места.

— Да. Конечно.

Ирина поднялась. Постояла, улыбнулась водителю. Дед вернулся. Уселся. Она чувствовала, что дед исподтишка разглядывает ее. Попутчик немного погодя спросил:

— Ты, дочка, тоже домой едешь?

— Тоже.

— А сама откуда? Из Казахстана?

— Почему из Казахстана? — обиделась Ирина. — Из Москвы.

— Из Москвы? А здесь что делала? Родню навещала?

Словоохотливый дед, казалось, был настроен пообщаться.

— Нет. Замуж приехала выходить.

Так устала, что врать не хотелось. Да и видит она этого незнакомого деда первый и последний раз в жизни.

— Замуж? — дед, казалось, был разочарован. — За кого? За нашего немца?

— Нет. За ихнего, — в тон ему ответила Ира, потихоньку начиная раздражаться на приставучего соседа. С таким ни книжку не удастся почитать, ни подремать, ни прокрутить в голове все, что с ней случилось за последний месяц, а это было ей ой как надо.

В начале 90-х газеты запестрели объявлениями: «Найдем мужа в любой точке земного шара!» Подруга нашла одно объявление. Поехали. Сотрудник брачной конторы открыл захламленный подвал. На цементном грязном полу возвышалась гора писем.

— Письмо — сто рублей, — предупредил устало барыга и зевнул, придерживая тяжелую стальную дверь подвала.

Взяли по пять писем. Написали. Подруге, намного старше Рины, достался швейцарец, а вот Рине не повезло. Приехав в город Ланген на западе Германии, она позвонила претенденту — Андреасу. Он примчался

на вокзал. Рина забежала в туалет. Помылась и подкрасилась. Стояла, ожидая. Ввалился толстый тип. При ближайшем рассмотрении Рина заметила, что штаны были сзади не очень удачно расставлены. Внешность — тоже полный провал. На старой раздолбанной машине с давно не чищенным салоном он привез ее в свой дом, заваленный старым хламом, где он жил с матерью. Предложил перекусить. Есть у него совсем не хотелось. Когда дошло до дела, Рина сказала без обиняков: «Прости, Андреас. Ты мне не понравился. Но если ты сможешь мне дальше поискать мою судьбу, хорошего парня, то я тебе тоже помогу. Я могу у вас убираться. Помогать по хозяйству. Ну что? Договорились?»

Делать нечего. Стала трудиться по дому. У Андреаса была чудная мать. На половине постели она спала, а на другой половине лежала гора тряпья. Дом был запущен. Рина вымыла окна, работала в саду. Жила она в маленькой комнатушке. Спала на кресле-раскладушке. Иногда смотрела с Андреасом телевизор. Мало что понимала. Она осунулась, но это даже хорошо: раньше туго натянутые на ней джинсы спадали, можно просунуть кулак. Ей часто говорили, что она симпатичная. Большие глаза, высокие скулы, полные, от природы губы, чуть вздернутый нос. Свои светлые волосы она собирала в хвост. На улице на нее оглядывались. А что толку? Немцы не знакомятся на улице.

Первый раз в этой хваленной Германии. Деньги она поменяла на дойчмарки еще в Москве неудачно, по низкому курсу. Сумма получалась небольшая. Хотелось ей, конечно, попробовать немецкой еды — разбегались глаза при взгляде на витрины кондитерских, где стояли шварцвальдские торты с прослойкой из вишен, пирожные с желе и фруктами, слоеные сердечки с творогом и клубникой внутри. Но, налюбовавшись на сладкое изобилие, она шла и покупала упаковку самых дешевых булочек, сыр и колбасу. Заходила Рина и в большие магазины одежды, запоминала модели. Примеряла, рылась в уцененных вещах прошлого сезона. Но и из этого ничего купить себе не могла. Увидела в киоске пару журналов с выкройками. Она хорошо шила. Вот приедет домой и сошьет себе сногшибательный комбинезон и платье-чулок с маками и с оборками понизу. Ткани у нее в Москве были. Бродила по немецким старинным улочкам, фотографировала своим аппаратом-мыльницей фахверковые постройки с коричневыми балками, церкви, маленькие магазинчики-бутики, где прямо на булыжную мостовую продавщицы выкатывали кронштейны с дорогой одеждой и аксессуарами. Гуляла мимо уличных кафе, ресторанов. Под большими полосатыми навесами немцы весело пили кофе или звенели вилками и ножами, пробуя свежую жареную на гриле рыбу с пестрым рисом-басмати, стейки с картофельными поджаристыми клецками или шницели с картошкой-

фри, и к этому — благоухающими рукколой и базиликом салатами. Она была чужая на этом празднике жизни. Пока она себе этого позволить не могла. Пока...

Андреас расщедрился и на выходной повез ее на фломаркт. На этой барахолке немцы, итальянцы, турки продавали подержанные вещи: посуду, велосипеды, микроволновки, ковры, лампы, книги и еще много всякой всячины, от старинного угольного утюга до современных электроприборов. И все это в разы дешевле, чем в магазинах. Она гуляла по развалам, смотрела, приценивалась. Нашла там подарок для мамы — измеритель давления на руку. Только без батареек. Андреас обещал ей поискать батарейки дома.

С разрешения своего «друга» звонила иногда на минутку в Москву. «Мам, у меня все хорошо. Скоро приеду и все расскажу», — скрывала Ирина свое непонятное положение. Зачем маму расстраивать?

Андреас откопал в какой-то из местных газет номер телефона для знакомств, и она наговорила стандартный текст своим голосом, которому попыталась придать нежный доброжелательный тембр. Андреас помог с немецким: «Здравствуйте! Меня зовут Ирина. Я русская. Стройная. Мне двадцать лет. Светлые волосы. Ищу мужчину для серьезных отношений!» Потом прослушивала сообщения. Ничего интересного. Сексуально озабоченные типы.

Наконец позвонил вроде приличный. Представился. Сказал, что ищет серьезную девушку для женитьбы. Увиделась с ним всего три раза. Андреас ревниво охранял свою подопечную. Сам привозил и увозил со свиданий. Придя на первую встречу в какой-то бар, она огляделась. Помытый тип в шортах и растянутой футболке вскочил из-за маленького столика и махнул ей рукой. «Ну почему мне так не везет?» — в отчаянии подумала Ирина, подходя к нему. Предложил присесть. Угостил ее гамбургером и лимонадом. Так она познакомилась с Буркхардом.

Виза заканчивалась. Он быстренько предложил ей руку и сердце. Ирина обещала подумать. Купил ей билет на автобус.

— Я пришлю тебе приглашение, ты приедешь, и мы поженимся.

Вроде неплохой парень. В банке работает. Марафон бегаёт. Вполне симпатичный, только неухоженный. Жена изменила и ушла к другому. Осталась дочка.

Только одно терзало Ирину... Она его не любила. Ничего не екало. Разве можно так замуж выходить? С ума она сошла, что ли? А где ее нравственность? Где читанные ею Тургенев и Чехов? Рина не чувствовала в новоиспеченном женихе ни романтики, ни, уж тем более, чего-то похожего на интеллект. Это ее раздражало. Может, она его просто мало знает? Зацепиться бы за что, да не за что... Их общение пока сводилось

с его стороны к рассказам о предательнице-жене и об успехах дочки в бальных танцах. Она тоже много о себе не говорила. Нельзя же после этого вдруг начать целоваться с человеком, но нового знакомого это не смущало...

— Ты прости меня, дочка, если пристаю с расспросами. Дорога длинная. Хочешь, и ты меня о чем спроси? Раньше ведь все люди разговаривали друг с другом. А сейчас я в этой Германии насиделся молчаливником. Как воды в рот набрал. И такая тоска. С этими говорить не хочется.

Рина улыбнулась.

— С «этими»... Они же вам по крови один народ.

Дед хмыкнул.

— Твоя правда. Когда-то были один народ, да уж мои предки — немцы с Волги. Сослали нас в Казахстан. Там потихоньку обосновались. Голые, босые. Русские очень помогали. Все несли нам и одежду, и валенки, и избу помогли срубить. И вот приехали мы туда чужими, а стали они нам своими, ближе некуда. Да какие мы немцы?

Он помолчал.

— Говорим на старонемецком, да и то только старики. Молодежь — уже нет. Эти-то понимают с трудом, и за своих нас в Германии тоже не считают. Вот так, дочка.

— А чего же вы там живете, если не нравится, и за своих вас не считают?

— А я и не живу...

Дед вздохнул. Покашлял:

— Домой еду.

— Как домой? Куда?

— В Казахстан, — дед посмотрел на нее, лукаво прищурившись.

— А кто у вас там?

— Никого. Все сдуру сюда уехали. Русаки-соседи там дом наш купили. Говорят, обратно продадут. Эх, дочка. Знаешь, там какое приволье? Выйдешь на вечерней зорьке, сядешь на скамеечку. Один сосед идет. Побалакает. Другой присядет, бабы остановятся, новости принесут. Все свое, родное. А здесь... — дед досадливо махнул рукой. — Все лыбятся, а без сердца.

Рина изумилась.

— А жена у вас есть?

— А как же. Есть старуха. Полвека уж вместе, — он усмехнулся. — И дети есть, и внуки.

— А они назад поедут?

— А кто ж их знает? Это их дело. Я домой еду.

— А жена поедет? — не отставала Рина.

— Поедет. Куда она денется! — дед махнул рукой, показывая, что на этот счет даже не волнуется. — А что жена?

Он насупился. Немного погода взорвался:

— Ну, что это за жизнь? Посадили в квартиру тесную. Даже балкона нет. Какая-то решетка вместо балкона. Обставились, дети помогли. И сидим. Бабка — к окну, я — к балкону. Бабка — на балкон этот дурной, я — к окну. Как волк в клетке. У детей своя жизнь. Заняты. Работают. Учатся. Редко приезжать стали. Некогда. И чужие какие-то стали. Вроде мы дураки деревенские, и только им мешаем.

— Ну вы даете! Такое решение принять одному?

— А кого мне спрашивать? Я мужик. Один раз решил и уехал. Я вот немец, дочка, а ты, видать, русская. Самая что ни на есть. Зачем ты в торгу эту уезжаешь? Посмотрел я твоего жениха. Он тебя старше лет на десять!

— Как вас зовут? Меня Ирина. Рина.

— А я Кристоф Энгель.

— Рада познакомиться! — потрясла его Ирина за руку. — Какое у вас имя интересное! И фамилия.

Рину удивило и как-то даже расположило к деду то, что его так звали. «Надо же! Кристоф Энгель! Кристоф... Энгель... Христов ангел?!»

— Такое при рождении дали, — смущенно произнес старик.

— Да сейчас и дома каторга. Продуктов нет, работы нет. Жизни никакой нет, — поделилась Рина.

— Ну, уж и в Москве жизни нет? Не поверю.

— А вот и нет, и жить не на что, и одни бандиты и олигархи.

— Я тебе так скажу. Девушка ты красивая. Ищи на родине хорошего парня. А этих оставь. С ними свои только жить могут. Послушай меня. Не возвращайся к нему.

— Почему вы так говорите? И откуда вы все знаете? — немножко обиделась Рина.

— Да уж знаю. Не один год промучился и много повидал, много наслушался.

На дорогу опустилась ночь. Водители Дима и Толик менялись каждые четыре часа. Сопровождающая группы договаривалась, носила паспорта то немцам, то полякам, чтобы пропустили через границу. Так и ехали. Дед что-то веселое рассказывал, в основном про свое деревенское житье-бытье еще в Союзе, про немецкую реальность вспоминал неохотно. И чем больше она его узнавала, тем больше он ей нравился, простой русский дед. И правда, он совсем не похож на немца.

Было часа четыре утра. То просыпаясь, то вновь проваливаясь в сон, она видела, как они едут по Польше. По очень узкому шоссе, обсажен-

ному здоровенными тополями. Сквозь стволы деревьев виднелись зеленеющие поля в предрассветной туманной мгле. Рина задремала. Вдруг она открыла глаза и увидела в окно, как на их автобус со встречной полосы на всей скорости мчался огромный грузовик. Они сидели с левой стороны, прямо за водителем. Это были секунды. Казалось, что столкновения не избежать. И пришлось бы оно как раз на кабину водителя и на них. От ужаса она открыла рот и посмотрела на старика. Дед Кристоф не спал. Он поднял руку, и летящая на них фура резко ушла от них влево. А их шофер Дима, тоже, видно, задремавший, вильнул вправо. Дед обернулся к ней и сказал:

— Спи. Все хорошо.

И она тут же уснула. Наутро она плохо все помнила. Было это, или ничего не было? Может, это ей привиделось в сидячей дреме. Укачало ее? Голова мотается из стороны в сторону. От частых пробуждений не знаешь, где ты и куда едешь. Но нет. Не может быть. Она точно помнила фары страшного огромного тягача, на манер американского, его блестящие хромированные трубы, решетчатую пасть над бампером. И особенно тот момент, когда дед выставил руку вперед, и из нее будто пошел свет.

Весь последний день Рина пыталась разговорить старика. Ему еще надо было пересаживаться на автобус в Казахстан и ехать почти неделю. Чем больше она всматривалась в его лукавые глаза, румяное лицо, которое время украсило добрыми морщинками, слушала его речь, шуточки-прибаутки, тем больше она проникалась к нему симпатией, и ночное происшествие не могла забыть.

— Дедушка Кристоф? Хотите, побудьте денька два у нас, отдохните. Я вас на Красную площадь свожу, в Кремль. А? — завлекала она его.

Ей как будто не хотелось с ним расставаться.

— Нет, дочка. И так долго ехать. Друг ждет. Полдеревни меня ждут. Сказал им, какого числа приеду.

Водители делали редкие остановки на заправочных станциях, чтобы залить бензина, дать возможность пассажирам размять ноги и купить какой-нибудь немудрящей еды там же, в кафе с яркими зонтиками. Дед Кристоф не выходил. А Ирина выбегала. Вернувшись, угощала его пирожками. Пили чай из пластиковых стаканчиков, который разливал Толик из титана, находящегося в конце автобуса.

...Полетели родные просторы. Рина с волнением узнавала пейзажи, словно ожившие картины Поленова, Шишкина. Так стосковалась! Проплывали за окнами в хороводах белоствольные березы на пригорках, мелькали церковки с голубыми куполами, придорожные неказистые деревеньки, с летними террасками и покосившимися заборами, полен-

ницами дров во дворах. Ближе к Москве по обеим сторонам начались новостройки, склады, запестрели автомобильные магазины с кричащими вывесками, мебельные салоны. Чувствовалось, что всей мощью, кутерьмой людской надвигается на них столица. Пышет жаром.

Автобус остановился на площадке у Ярославского вокзала, недалеко от метро. До людей вдруг дошло: приехали! Все засуетились и полезли вон из салона. Пассажиры стояли гуртом и один за другим, надрываясь от тяжести, вытягивали из усталого, не остывшего еще чрева автобуса свои огромные баулы и чемоданы, среди которых затерялась Ирина тощая сумка. Получив ее и вынырнув из толчеи, она оглянулась и стала искать глазами старика. Его нигде не было. Ни в автобусе, ни около. Он как будто испарился.

— Толик! — кричала она шоферу. — Ты не видел здесь дедушку, с которым я ехала?

— Какого дедушку?

Дима и Толик были заняты. Собирали документы с маршрута диспетчеру.

Так жаль, что она с ним не успела попрощаться. Вроде он мелькнул в толпе с рюкзачком за спиной и пропал.

А вдруг это был ангел?

Жизнь Пелагеи

— Польшка! Ты Богу молился?

В темноте за окнами мелькнула тень.

Пелагея вскрикнула от неожиданности и страха. Вскочила с колен. Окошко в избе было занавешено до половины. В верхней половине — прижатая к стеклу довольная морда Захарки Серюкина, председателя колхоза.

— Ну чяво тебе? Иди куды шел. Брѳдить впотьмах! — Пелагея стукнула по стеклу.

Физиономия исчезла. Оглянулась, не услышал кто. На полатях посапывали ребята. Присела на лавку. Сняла платок, расплела собранную на затылке косу. Стала чесать гребенкой. Перебирала невеселые мысли. Уезжать надо. Здесь она у всех как кость в горле. Раскулаченная. К Калинин уездила. Брат сводный помог. Восстановили в колхозе. Работала, как лошадь. Снопы вязать? Польшка! Молотить? Веать? Опять она лучше всех. И председательша сельсовета, хоть и родня дальняя, а совсем ее затюкала, змеюка подколотная. В Москву подаваться надо, а как? Пачпорт в Троекурово. Если этот самый председатель разрешит. А он

ей простить не может. Обиду держит. Когда-то Серюкин к ней сватался. Отказала ему, за Андрея вышла. Сама-то была не красавица. Впалые темные глаза, нос мясистый, смуглая кожа без румянца, тонкие волосы заплетены и закручены в пучок, всю жизнь под платком. Небольшой рот сжат. Неулыба. Высокая. В отца. Заморенная работой. Уработанная с детства. Корову подои, выгони. И хлев почисть. Овцам, курам, гусям дай, двор подмети, полы в избе отскреби. В огороде чтобы ни травинки. И в колхозе пашешь — не перепашешь. Отец строгий, злой был. И на улицу не пустит. Работай до ночи. Дел не переделай. Ботинки прятала в хлеву. Таясь, убегала. А Андрюшка красивый был, аж сердце заходило, а что толку? На базар поедет — просит его: «Андрюша! Не пей! Дома выпьешь. Спрячь деньги в портянки». Приедет — портянки размотаны, денег нету. А тут еще пришла разнарядка. В кулаки его записали. Завербовался на Дальний Восток. Бурильщиком. Письма ей шлет. Ревнует. «Вы и ваши друзья... Председатель там у вас в дом похаживает». Сестра мужа ему отписала, полуглупая дура! Он деньги сестре и прислал, а ей и четверым ребятам, и матери своей, которая у нее в доме живет, — ничего.

Дети вечно голодные. Все колхоз отбирает. И молоко им подай. И яйца. И зерно вычистят. Оставят крохи. Плохо без мужика. Нету больше мочи.

И она заплакала.

Давеча повезла со своего огорода табак в Москву на рынок. А нельзя было продавать. Обернула она в несколько раз вокруг себя огромные листья табака, обвязала веревкой. Сверху надела юбку с кофтой. Радовалась, что такую хитрость придумала. Села в вагон, а в дороге упала в обморок. Сняли ее с поезда. Еле откачали. Дохтур сказал, что дурная, мол. Помереть ведь могла. Яд табачный в тело проник и отравил. Вот тебе и придумала.

Подружка у Пелагеи закадычная — Луша. Ловчее их двоих в колхозе не найти. Все вместе. Все у них спорилось. А как плясать или петь на деревенских праздниках, так лучше их тоже не сыскать, хоть и бабы уже, не девки.

Луша жалела подругу:

— Полина! Хватит тебе здесь маяться. В Москву тебе надо. Там посытнее. Обживешься и детей возьмешь.

— Да как же я уеду? А пачпорт?

— Уговорим Серюкина. Слушай, что я придумала-то!

Вот сговорились они с Лушей, как, значит, председателя обмануть, пачпорт у него выпросить.

Заготовили бутыль с самогоном. Закуски. Ради такого дела сало, что в погребе лежало припрятанное, завернутое в тряпицу, вытащила. Кар-

тошки наварила. Огурчиков соленых из-под гнета набрала. Прознали, что Серюкин один в правлении. Собрала кулек, и пошли они с Лушей к председателю. Крутили-вертели. Мол, Полине нужен пачпорт на базар в Москву ехать, без пачпорта никак места не дадут. А сами уж бумагу написали — брат Кузьма писать умел, раздобыл колхозный бланк, — что отпускает председатель колхоза Пелагею Шунину в Москву из колхоза навсегда. Председатель подвыпил. Неграмотный был, но коммунист. Вот и выбрали его председателем. Он бумагу и подмахнул. Печать колхозную поставил.

С петухами поехала Пелагея в Троекурово. Забрала пачпорт. Прибежала домой огородами. Собрала кое-что на продажу, одежды немного — и ушла пешком на станцию, повесив мешок с чемоданом через плечо. На полдороге нагнала — телега ехала из другой деревни. Ее на станцию подвезла. Детишек Пелагея на мать оставила. Мать, Авдотья, согласилась: «Поезжай, дочка. Помогай тебе Господь!»

Председатель проспался. Прибежал. Да уж поздно. Нету Полины. Уехала.

Он сам бумагу заверил. Признаваться, что напоили его бабы, обманули, не стал. Так и замял дело.

Пелагея ехала в вагоне, узлы свои держала всю дорогу, чтоб не украли. Что она Шурке-сестре скажет? Возьмет ли сестра надолго к себе?

Доехала до Таганки. Ух, эта Москва! Народу страсть как много. Словно мураши в муравейнике. Страшно, а сдюжить надо. Обратной ей ходу нет.

На половине лестницы в подвал ее встретил окрик сестры Александры:

— О! Деревня приехала!

Пелагея остановилась. То ли назад идти, то ли дальше.

— Ну уж заходи, коли приехала. На базар али как?

Шурка была хорошая, но уж больно резкая. Такая уродилась. Гордость свою спрячь, Поля. Молчи, покудова не привыкнешься. А муж ее Архип — добрее мужика она не видывала — утешал Пелагею.

— Ничяво, Полина. Вот и хорошо, вот и ладно, что приехала. В тесноте, да не в обиде. Не бойсь.

Повезло. Устроилась в райисполком. Полы мыть. Пелагея была аккуратная, чистая. Через некоторое время повысили ее, перевели к начальнику в приемную убираться, чай подавать. Тому Полина тоже показалась.

— Ты, Поля, где живешь-то?

— У сестры на сундуке. А у ней трое ребят. Да сами в подвале живут...

Пелагея заплакала.

Начальник что-то написал на бумажке.

— Вот, Поля. Пойдешь к коменданту женского общежития. Он тебе койку даст.

— Благодарствую, Федор Фомич! — и поклонилась.

— Ну-ну! Не благодари. Работница ты хорошая.

Перебралась Пелагея от сестры в общежитие.

Двух меньших девчонок в поезд посадили — и к ней в Москву. Старшая, Маня, уже трактористкой в колхозе работала, а Колюшка пас коней в ночном. В деревне, в помощь матери Авдотье их оставила.

Пристроила дочек с собой, в общежитии. На стульях спали. Как проверка ночью, бежали, прятались в туалете.

Женщины в общежитии Пелагею любили. Работящая. Веселая. Как начнет что-нибудь рассказывать из деревенской своей жизни, все со смеху покатывались.

В деревню посылала посылки, что могла.

Так и жили, пока не пришла война.

— Пусть лучше здесь убьют, а в деревню не поеду! — кричала Пелагея.

Копали траншеи, окопы. Пелагея привычная. Деревенская закалка.

Ближе к концу войны Колюшке, сыну, повестка пришла. Убили мало-го, только восемнадцать исполнилось. Жалко-то как его было! Скорбела она по нем долго. Единственный сынок. И хлеба досыта не наелся. А что сделаешь? Не вернешь. У всех горе. Война.

После войны Пелагее дали комнату — семиметровую. Четыре человека. Спали кто под столом, кто на матрасе. Маню из деревни взяла. Хватит ей трактористкой-то пахать.

Всех замуж выдала. Внуки пошли.

Пелагея, хоть и давно была на пенсии, а в гардеробе на заводе «Геофизика» до последнего работала. Откладывала копеечку. Внукам на гостинцы, и себя надо прокормить. Пелагея никогда ни у кого не просила, еще дочерям сунет. На очки внуку Мишке, тот все время очки в школе разбивал. Или на дни рождения девчонкам.

Мать Авдотью из деревни взяла. Ходила за ней до конца. Похоронила. Дом продали. На деньги от него пальто меньшей дочке справили. Реформа тогда вышла — деньги-то все и сгорели.

Сама вот с соседями в коммуналке. Хорошие соседи. По торговой части. Постучит в дверь Тамара:

— Тетя Польш! В магазин иду. Чего надо?

— Хлебушка черного!

Пелагея была верующей. В церковь ходила. Службы стояла. Постилась. За жизнь уж привыкла. Мясо редко ела.

В праздники, когда собирались у нее подружки, такие же бабки, как она, в карты играли, в лото. Пекла блины. Собирала дочек с зятья-

ми, внучат в своей комнатке. Набивались — пройти негде. Большая семья.

...Ничего не получается! Не спится. Пелагея еще поворочалась для порядку. Да уж немного жить-то ей осталось. Чего время на сон тратить. Думы, думы...

Открыла глаза. От света лампы в углу высветилась вся комната. Угол старого буфета, в правом ящике которого она хранила заветное: последние письма сына Коли с фронта, газету меньшей дочки Маринки. Чемпионкой Москвы по лыжам в молодости стала. В газете о ней прописали. В параде на 800-летие Москвы участвовала. Пелагея, как увидела ее в черных трусах и футболке, тесно обтянувшей грудь, так и охнула, сказала строго: «Больше не смей туды ходить». Еще там лежало прошение Калинину, с его косою резолюцией под письмом: «Все вернуть. Восстановить в колхозе!»

Часы-ходики на стене, отсчитывающие ее последние денечки, качали золоченым маятником, на который тоже попадал отсвет мигающей лампы, метался яркой звездочкой туда-сюда, туда-сюда. Дубовый шкаф с зеркалом матово отблескивал. В нем ее одежда: зимнее и демисезонное пальто, пара самовязанных кофт, байковых платьев и летних штапельных. Все ей Маринка нашла. Портнихой стала. А то спортсменкой хотела, еще чего!

На топчане посапывала старшая дочь Маруся. Завтра к обеду придет ее сменить средняя, Татьяна. Хоть и нехорошо, а любила она среднюю. Та придет, сядет, неторопливо поговорит с ней, времени на разговоры с матерью не жалеет. А у двух других желанья поговорить нет. Приберутся, покормят и убегут...

К вечеру ворвется, как вихрь, задыхаясь, вся уезженная, меньшая, Марина. У той семья, работа. И в ателье шьет, и на дому. Муж у нее начальник. Где-то руководит. Заводом, что ли... Маринка всегда торопится. Внучка в этом году школу заканчивает.

Пелагея спустила ноги с кровати. Посмотрела на таблетки на тумбочке и стакан с чуть заколыхавшейся водой.

Вот болеет она только. В больнице отлежала. Дочки ухаживали в очередь. «Какие у вас хорошие дочери!» — похвалил молодой врач.

Пелагея вздохнула. Наморщила лоб. «Как болячка-то называется? Все забываю. Слово не выговоришь. Научное. Мудренное. Нет. Никак не вспомнить. Уж больно редкая, врач сказал, болезнь».

Да. Жизнь прошла. Грех жаловаться.

Пелагея зажгла свечку у икон. Встала, тихонько кряхтя, на колени, прислушиваясь, чтобы не разбудить Марусю.

Слава Богу за все!